

нравственному совершенствованію, смѣшивая все это въ одну общую кучу и не различая идеаловъ этическихъ отъ эстетическихъ :

„Я старался совершенствовать себя. Совершенствовать свою волю, составлялъ себѣ правила, совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями, цощряя силу и ловкость... Началомъ всего было, разумѣется (sic!) нравственное само-совершенствованіе; но скоро оно подмѣнилось желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или Богомъ (этич.), а передъ другими людьми. (эстетич.) И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ. Гадко вспомнить даже объ этомъ...“
(«Исповѣдь»).

«Разъ мнѣ пришла мысль,—говорить нашъ герой, въ своемъ «отрочествѣ»,—что счастье независитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ ..» (не правда-ли, что мысль эта (чисто этического свойства) могла бы сдѣлать честь не только Пьеру или Левину, но и самому XII-му тому гр. Т.?) *) Въ другой разъ, за то, вспомнивъ, что смерть ожидаетъ его каждый

*) «Онъ (Пьеръ) узналъ, что счастье въ немъ самомъ... Онъ узналъ, что какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ вполне счастливъ, такъ нѣтъ и положенія, въ которомъ бы онъ былъ вполне несчастливъ; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ страдалъ онъ самъ теперь, засыпая на голой сырой землѣ; что когда онъ, бывало, надѣвалъ свои бальные узкіе и жавшіе ему ногу башмаки, онъ точно также страдалъ, какъ и теперь, когда онъ шелъ уже совсѣмъ босой (съ плѣнными) ногами, покрытыми болячками...» («*Война и миръ*»). «...Если-бы я вдумался въ свою жизнь и жизнь людей нашего круга, я бы увидѣлъ тогда, что между тѣми (обитателями «Ржановской крѣпости») и другими нѣтъ разницы. Живущіе въ своихъ домахъ на Дмитровкѣ и на Синцевомъ Вражкѣ ѣдятъ, правда, не одну селедку съ хлѣбомъ и печенку, но это не мѣшаетъ имъ быть точно такими же несчастными... Несчастіе тѣхъ и другихъ непоправимо внѣшними средствами: они ни въ какомъ положеніи не могутъ быть счастливы, если взгляды ихъ на жизнь останется тотъ-же...» «Несчастіе послѣднихъ (обитателей Ржанов.) было не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ нихъ самихъ—несчастье такое, которое нельзя поправить какой бы то ни было бумажкой.» (XII томъ: «*Мысли вызванныя переписью*»).